

У Си Жуна была тайная встреча в резиденции с посланником Западного Ся. Естественно, резиденция Си тщательно охранялась, но они были на страже от посторонних, а не от императора, не говоря уже о младшем брате, которого Си Жун защищал и баловал всю его жизнь.

Он знал, что Сяо Цзе слышал весь разговор.

Прожив вместе много лет, они стали похожи друг на друга. Си Жун очень хорошо знал каждое выражение лица и каждое движение Сяо Цзе. Однако он никогда не видел, чтобы у Сяо Цзе было такое выражение лица, когда он с ним – паническое, ошеломленное, дрожащее, разочарованное и испуганное.

Си Жун почувствовал острую боль в сердце, но его голос был мягким: «Ваше величество».

Сяо Цзе застыл на месте, как будто смотрел на жестокого и порочного незнакомца.

Си Жун снова позвал: «А-Цзе».

Сяо Цзе как будто проснулся. Уголки его глаз мгновенно покраснели. «А... А-Жун, ты... ты предал, предал...»

Прежде чем он смог произнести слово «страну», Си Жун перебил Сяо Цзе: «А-Цзе, ты неправильно понял меня».

«Я все это слышал! Все слышал! – На глаза Сяо Цзе навернулись слезы. – Этот человек хочет заключить с тобой сделку. Он хочет, чтобы ты убил генерала Гу, и ты согласился!»

Си Жун сделал два шага вперед. Ему хотелось обнять Сяо Цзе и утешить, как в детстве. У Сяо Цзе мягкий характер. Он рос без заботы биологической матери или матери-императрицы. У него не было ни капли благосклонности покойного императора, и он перенес много обид в зловещем дворце с тех пор, как был ребенком. Долг старшего брата – сделать младшего брата счастливым. Сколько раз Сяо Цзе плакал, столько раз Си Жун утешал его. Но на этот раз Сяо Цзе не бросился в его объятия, как обычно. Он был так напуган, что снова и снова отступал, как испуганный котенок.

«Не... не подходи...»

Си Жун остановился на полпути и сказал: «А-Цзе, я говорил тебе, что Линь Цинюй и Гу Фучжоу не потерпят, чтобы я был рядом и помогал тебе. Как только Гу Фучжоу вернется в столицу, Линь Цинюй нападет на меня. Ты понимаешь?»

Сяо Цзе всхлипнул и сказал: «Но ты не можешь вступать в сговор с врагом и предавать страну! Я немного глуп, но я также потомок семьи Сяо. Генерал Гу сражается за Даюй. Ты не можешь

причинить ему вред в это время – я-я собираюсь пойти и рассказать вдовствующей императрице и императорскому лекарю Линю!»

Си Жун отругал его: «Прекрати».

Си Жун никогда раньше не был так жесток к нему. Сяо Цзе чувствовал себя обиженным и злым одновременно. Он заплакал, выглядя как цветы груши, омытые дождем, жалкие и очаровательные.

Си Жун рассудительно сказал: «Посланник Западного Ся пришел, чтобы найти меня. Они хотят использовать жизнь Гу Фучжоу, чтобы положить конец войне между нашими странами. Что произойдет, если я не соглашусь? Я должен был позволить посланнику вернуться и передать военному советнику Западного Ся отказаться от этой идеи? Или я должен был сразу убить его? Независимо от того, что я сделаю, это только заставит Западное Ся быть более бдительным по отношению к Даюй».

Сяо Цзе не мог осознать этого, но понял одну вещь. Си Жун на самом деле не соглашался на предложение Западного Ся.

«Что ты имеешь в виду...»

Лицо Си Жуна несколько прояснилось, и он сказал: «А-Цзе, подумай хорошенько. Теперь, когда я согласился на „мирные переговоры“ с Западным Ся, разве они не почувствуют, что уже победили? Как ты думаешь, они воспримут битву при Юнляне всерьез?»

«Значит, ты только притворился, что согласен... Ты солгал им?»

Увидев, что Сяо Цзе смотрит на него почти так же, как обычно, Си Жун вздохнул с облегчением. Он сказал с улыбкой: «Ты все еще помнишь историю о ложной капитуляции Хуан Гая, которую я рассказывал тебе, когда мы были детьми? Он может симулировать капитуляцию, и мы также можем симулировать мир. Не волнуйся. Я не позволю обвинить себя, не говоря уже о тебе, в государственной измене».

«Значит, вот оно как! – Си Жун уговорил Сяо Цзе всего несколькими словами, император вытер слезы тыльной стороной ладони и сказал: – Тебе следовало сказать это раньше. Я неправильно тебя понял».

Си Жун схватил Сяо Цзе за руку и вытер его слезы рукавом. «Хорошо, что мы прояснили это недоразумение. Ладно, не стой просто так. Заходи».

Они вдвоем вошли в кабинет, и Си Жун приказал принести воды, чтобы умыть лицо императора. Си Жун спросил Сяо Цзе, почему он внезапно покинул дворец, и Сяо Цзе рассказал ему о разговоре с Линь Цинюем.

«А-Жун, нам обязательно сражаться с императорским лекарем Линем и остальными? – Сяо Цзе наивно спросил: – Я не хочу причинять им вред. Я думаю, что сейчас все хорошо. Будет прекрасно, если все будет продолжаться в том же духе».

Си Жун погладил Сяо Цзе по голове и сказал: «Давай подождем, пока Гу Фучжоу победит Западное Ся».

«Хорошо. – Сяо Цзе увидел слова из воды на столе и с любопытством спросил: – Что это?»

Си Жун не скрывал этого. «Гу Фучжоу уже больше месяца ведет войну на истощение с Западным Ся. Обе стороны приближаются к своему пределу. Итак, Западное Ся хочет знать маршрут следования обоза с едой и фуражом Даюй».

Сяо Цзе спросил: «Они собираются отнять у нас провизию?»

Си Жун кивнул. «Да, это их план».

«О! – внезапно Сяо Цзе разволновался. – Тогда мы можем указать им неправильный маршрут, а затем заранее устроить там засаду, застав их врасплох!»

Си Жун был немного удивлен и сказал с улыбкой: «А-Цзе стал умнее».

Сяо Цзе засмеялся и сказал: «Ты единственный в этом мире, кто похвалил бы меня за ум. Мы так долго были вместе, что я кое-чему научился у тебя».

Си Жун открыл карту, показывающую путь из провинции Гуй в Юнлян: «А-Цзе, как ты думаешь, где лучше всего устроить засаду?»

Сяо Цзе серьезно задумался, он указал на определенную дорогу и сказал: «Вот. Это самый дальний маршрут от реального, по которому доставят провизию, и это узкая дорога между каньонами. Как только вражеская армия войдет, они не смогут отступить!»

Си Жун на мгновение заколебался, а затем с улыбкой сказал: «Тогда мы сделаем так, как говорит А-Цзе».

Сяо Цзе наконец-то внес вклад в Даюй, и был очень счастлив. «Кстати, я думаю, мы должны рассказать об этом вдовствующей императрице и императорскому лекарю Линю. Они также очень обеспокоены ситуацией на северо-западе».

«Не нужно. – Си Жун перестал улыбаться. – Им не нужно знать».

Сяо Цзе колебался. «Но...»

Си Жун принял серьезное выражение лица: «А-Цзе, ты должен помнить, что Линь Цинъюй хочет моей жизни. Давать ему знать слишком много – нехорошо. Что угодно может быть его клинком, чтобы лишить меня жизни».

Услышав это, Сяо Цзе был ошеломлен. Хотя Си Жун продолжал говорить, что Линь Цинъюй собирается причинить им вред, император всегда чувствовал, что императорский лекарь не сделает этого. Линь Цинъюй был красив, как бессмертный; неужели его сердце может быть таким порочным?

Хотя Сяо Цзе наконец-то помирился с Си Жуном, он действительно был напуган. Си Жун боялся, что у него будут затяжные страхи, поэтому специально нашел известную оперную труппу в столице, чтобы выступить в императорском дворце. Сяо Цзе любил смотреть оперы, и когда у него было настроение, он мог просидеть перед сценой весь день.

Внутри императорского дворца сцена была построена в Пионовом саду. Пионовый сад находился недалеко от дворца Цыань, и первоначально там была установлена сцена, чтобы вдовствующей императрице было удобно слушать различные представления. Но теперь это стало местом, которое нарушило покой вдовствующей императрицы.

Вдовствующая императрица обсуждала с Линь Цинъюем налогообложение в Цзяннани, когда издали донеслось мелодичное пение. Вдовствующая императрица недовольно спросила: «Кто слушает оперу в Пионовом саду?»

Линь Цинъюй сказал: «В гареме императора никого нет, и все наложницы прошлого императора живут в саду Цзиньян. Кто еще это может быть?»

Вдовствующая императрица нахмурила брови и медленно произнесла: «Император – праздный и неторопливый человек».

«Это хорошо, – спокойно сказал Линь Цинъюй. – Для такого человека, как император, лучше ничего не делать, так он не причиняет другим неприятностей».

«Но северо-запад все еще находится в состоянии войны. Даже если император не заботится о правлении, он должен, по крайней мере, демонстрировать видимость, чтобы не давать чиновникам повода для критики».

Подумав об этом, вдовствующая императрица все же решила попросить кого-нибудь пригласить Сяо Цзе.

Сяо Цзе не заставил вдовствующую императрицу ждать и почти сразу же примчался к ней. После того как вдовствующая императрица отругала его, Сяо Цзе, наконец, понял свою

ошибку. Не обращая никакого внимания на присутствие Линь Цинюя, он сказал: «Чжэнь теперь знает, что был неправ. Чжэнь не придавал этому должного значения... Простите, мать-императрица, чжэнь больше никогда не будет слушать оперы».

Император так искренне признал ошибку, что вдовствующая императрица не знала, смеяться ей или плакать. «Дело не в том, что Ваше величество не может слушать оперу. Просто для всего есть время и место. Как только в Даюй воцарится мир и утихнет хаос на северо-западе, айцзя тоже с удовольствием посмотрит оперу».

Сяо Цзе кивнул. «Чжэнь понимает, спасибо вам за учение мать-императрица. Когда воцарится мир, чжэнь пригласит мать-императрицу и шестого брата послушать оперу».

Сяо Цзе выглядел моложе своего реального возраста, и то, как он кивал, делало его очень милым и симпатичным. Хотя вдовствующая императрица в прошлом была небрежна по отношению к этому сыну наложницы, у нее не было злого умысла, и ругать его так сильно было уже достаточно. Случилось так, что настало время вечерней трапезы, и вдовствующая императрица пригласила Сяо Цзе остаться и поесть. «Цинюй, ты тоже останься».

Линь Цинюй сказал: «Этот скромный чиновник вчера уже принимал участие в вечерней трапезе во дворце Цыань».

Вдовствующая императрица рассмеялась и сказала: «Он всегда ест больше, когда ты рядом».

На протяжении всей трапезы Сяо Цзе продолжал выглядеть так, как будто ему было что сказать. Вдовствующая императрица спросила, хочет ли он что-нибудь сказать, и он решительно сказал «ничего». После ужина Сяо Цзе вернулся в зал Циньчжэн.

Вдовствующая императрица задумчиво сказала: «Похоже, император не безнадёжен. Если бы он не был монархом страны, его можно было бы считать ребенком с чистым сердцем».

Линь Цинюй издал «хм».

«Он никогда не будет мудрым правителем, но если император сможет оставить Си Жуна и с небольшим руководством, по крайней мере, им не будут манипулировать другие».

Линь Цинюй слегка усмехнулся: «К сожалению, он никогда не сможет этого».

«Возможно, ты слишком уверен в этом, – сказала вдовствующая императрица, – даже братья с одинаковыми отцом и матерью пойдут друг против друга ради эгоистичных интересов, не говоря уже о них. Айцзя пробыла во дворце столько лет и повидала все. Император стал так сильно полагаться на Си Жуна, потому что тот сильно баловал его в детстве. Если мы найдем ему достойную, элегантную, сострадательную и понимающую супругу, кого-то, кому он сможет доверить свои чувства, возможно, он не будет так сильно ценить Си Жуна».

Чем больше вдовствующая императрица думала об этом, тем больше она чувствовала, что это хорошее решение. «Император уже достиг совершеннолетия, и сейчас мы прошли период сыновнего почтения к покойному императору. Сейчас самое подходящее время найти для него наложницу».

Вдовствующая императрица думала, что Линь Цинюй согласится с ней. Неожиданно Линь Цинюй ничего не ответил. Вдовствующая императрица не удержалась и спросила: «Цинюй, что ты думаешь?»

Линь Цинюй сказал: «Вдовствующая императрица должна простить скромного чиновника, но я не заинтересован в том, чтобы использовать брак для заключения других в тюрьму».

Вдовствующая императрица на мгновение растерялась, и выражение ее лица стало немного холоднее.

«Забудь об этом, – сказала она, теряя интерес, – Нам просто придется пока понаблюдать за ними».

Была ночь, и Си Жун лично уложил Сяо Цзе спать. Перед сном они поговорили, вспоминая о том, что произошло за день – привычка, оставшаяся с детства. Си Жун спросил Сяо Цзе об опере, которую император смотрел сегодня. У Сяо Цзе было разочарованное выражение лица, когда он сказал: «Чжэнь больше не собирается смотреть оперу во дворце».

Си Жун спросил: «Почему?»

Сяо Цзе рассказал Си Жуну о том, что произошло сегодня. «Мать-императрица права. Солдаты северо-запада сражаются так отчаянно. Достаточно плохо, что чжэнь не может помочь, как чжэнь может наслаждаться роскошью во дворце?»

Си Жуна это несколько не волновало. «Вы ели с вдовствующей императрицей и Линь Цинюем?»

«Шестой брат тоже был там. – Сяо Цзе прямо сказал все, что было у него на уме. – Шестой брат все тот же, он ни на что не реагирует. Он всегда улыбается только императорскому лекарю Линю...»

Си Жун прервал его: «Вы упоминали им о засаде на пути следования обоза с провизией?»

Сяо Цзе ошеломленно замер, в его глазах читалось легкое чувство вины. «Нет».

Любая перемена в лице Сяо Цзе не могла ускользнуть от глаз Си Жуна. «Вы все еще хотите им сказать?»

«Чжэнь... В конце концов, чжэнь ничего не сказал. Это то, чего ты хочешь, не так ли? – Сяо Цзе накрыл голову одеялом и сказал приглушенным голосом: – Чжэнь собирается спать. Тебе следует уйти».

Си Жун прищурил глаза. «Этот слуга сейчас удалится».

Как только Си Жун назвал себя «этим слугой», Сяо Цзе понял, что он разозлился. Но он действительно не знал, что делать. Почему Си Жун и Линь Цинью должны сражаться не на жизнь, а на смерть? До того, как он взошел на трон, эти двое, очевидно, прекрасно ладили.

Сяо Цзе заснул, полный тревог. Спустя неизвестное количество времени он был разбужен звуком «Ваше величество! Ваше величество!» Когда он открыл глаза, то увидел евнуха, который прислуживал ему, Сяо Сунцзы.

Снаружи послышались торопливые шаги. Все чувство сонливости внезапно покинули Сяо Цзе, и он спросил: «Что случилось?»

Запаниковав, Сяо Сунцзы сказал: «Ваше величество, во дворце убийца. Евнух Си, он.. Он...»

Сяо Цзе схватил Сяо Сунцзы за плечо. «Что с ним случилось?»

«Евнух Си серьезно ранен. Он потерял много крови... Сейчас он находится в боковом зале...»

Сяо Цзе скатился с кровати и босиком пробежал весь путь до бокового зала. Охрану внутренних покоев уже отправили окружить дворец плотным кольцом. Си Жуна уже отнесли на кровать с ужасающей ножевой раной в левой части живота, и из раны постоянно текла кровь. Из-за потери крови лицо Си Жуна выглядело бледным. Он был в плачевном состоянии, но его ум оставался острым и ясным.

Когда Сяо Цзе увидел его, то закричал: «Где императорский лекарь? Быстро позовите императорского лекаря!»

Сяо Сунцзы сказал: «Я уже послал за ним. Императорский лекарь должен быть уже в пути».

Си Жун схватил Сяо Цзе за руку, слабо дыша: «Ваше величество, с этим слугой все в порядке. Не волнуйтесь».

«Как это случилось... – Сяо Цзе обнял Си Жуна, находящегося на грани обморока: – Как во дворце мог появиться убийца? Зачем кому-то убивать тебя!»

Си Жун странно улыбнулся: «У кого, кроме них, были бы убийцы, достаточно смелые, чтобы войти во дворец?»

Сяо Цзе воскликнул, задыхаясь: «К-кто это?»

Си Жун застонал от боли. Сяо Сунцзы поспешно сказал: «Евнух Си говорит, что это должен быть кто-то из отряда Тяньцзи».

Сяо Цзе был ошеломлен, но его слезы продолжали катиться. «Почему?»

Сяо Сунцзы сказал: «Насколько я помню, знак отряда Тяньцзи находится в руках императорского лекаря Линя».

«...Императорский лекарь Линь?»

Си Жун закрыл глаза. В его руках появилась внезапная сила: «Итак, вы все еще хотите сблизиться с Линь Цинюем и рассказать ему все?»

Сяо Цзе заплакал и покачал головой. «Я не хочу! Я больше ничего не скажу вдовствующей императрице и Линь Цинюю. Я ничего не скажу, я просто хочу, чтобы у тебя все было хорошо... А-Жун, не умирай, я не позволяю тебе умирать!»

Травма Си Жуна выглядела устрашающе, но он не повредил жизненно важные органы, и ему не угрожала смертельная опасность. Однако из-за чрезмерной потери крови его жизненные силы были истощены, поэтому ему пришлось некоторое время восстанавливаться.

Во дворце императора был убийца. Это дело первостепенной важности. У Чжань не посмел проявить ни малейшей небрежности, под его командование императорская охрана всю ночь обыскивала дворец. Однако никаких зацепок найти не удалось. Когда Линь Цинюй услышал об этом, он расспросил У Чжаня и императорского лекаря, который лечил Си Жуна той ночью. Тогда он все понял.

«Вам больше не нужно беспокоиться об этом вопросе, – сказал Линь Цинюй. – Вы не сможете поймать убийцу».

У Чжань сказал: «А? Почему?»

«Вы думаете, убийца, который способен бесследно появляться во дворце и уходить, не может убить даже простого евнуха? Единственный, кого может обмануть такой хитроумный трюк, – это император, который сейчас потерял голову из-за беспокойства».

У Чжань все еще не совсем понимал: «Императорский лекарь Линь имеет в виду...»

Линь Цинюй сказал: «Си Жун просто хотел завладеть сердцем императора. Он хотел, чтобы император твердо стоял на его стороне».

У Чжань прошипел: «Оказывается, это был не что иное, как трюк с нанесением себе увечий.* Он достаточно безжалостен, даже сумел ранить себя собственными руками».

Линь Цинюй внезапно улыбнулся. «Действительно».

[Примечание: 自殘 / kǐgòujì. План «страдание плоти», стратагема нанесения самому себе увечья. Наносить себе увечья или прикидываться страдающим, чтобы вызвать к себе доверие или сострадание.]

Действия Си Жуна напомнили ему о Гу Фучжоу. Тогда, чтобы вернуться в столицу с северо-запада, вернуться к нему, Гу Фучжоу без колебаний выпил яд Небесного паука. В этом вопросе Гу Фучжоу тоже был решительным человеком.

Вот почему на этот раз он точно приложит все силы, чтобы вернуться.

Автору есть что сказать:

Упорный Эрчжуан прожил еще один день. Я даю тебе еще три дня, не больше!

Мини-театр переноса древнего человека в современный мир:

Когда он впервые привел великолепного красавца домой, страдающий амнезией старшеклассник Цзян все еще не до конца верил его словам. Так уж получилось, что друг старшеклассника Цзяна заплатил налог на IQ и купил онлайн-детектор лжи. Если вы скажете неправду, детектор лжи подаст звуковой сигнал.

Затем...

Великолепный красавец: Цзян гунцзы – трудолюбивый человек.

Детектор лжи: Биип...

Великолепный красавец: Цзян гунцзы никогда не бездельничает в постели.

Детектор лжи: Биип...

Великолепный красавец: Цзян гунцзы - мой муж.

Детектор лжи: ...

Старшеклассник Цзян: Эммм.

<http://bllate.org/book/15122/1336713>